

Мелякова Юлия Васильевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, г. Харьков, Украина
e-mail: melyak770828@gmail.com,
ORCID ID: 0000-0001-6699-8078

ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА РЕАЛЬНОСТИ: СУБЪЕКТ ПРАВА КАК ЧЕЛОВЕК ПРИСУТСТВУЮЩИЙ

Антропологический анализ субъекта права в юридическом пространстве пост-модерна дает основание для идентификации его как Человека присутствующего. Он является субъектом тотального равенства, субъектом свободы и субъектом абсолютных возможностей. Модус его бытия в мире – прагматичное, автономное, независимое и формальное присутствие. Именно право выступает единственной реальностью его самореализации, структуризации и способом бытия.

Ключевые слова: симулятивная реальность; нехватка реальности; потребитель; пользователь; субъект права; чистое присутствие; Человек присутствующий.

Постановка проблемы. Образ права и образ человека всегда коррелировались в философско-правовых теориях различных времен и традиций. Современная правовая реальность, лишенная каких бы то ни было фундаментальных, абсолютных оснований, мультисеквенциальная и либеральная, симулятивная и полионтичная, также отталкивается от своего специфического актуального образа субъекта. В динамичном пространстве постнеклассического права субъект выступает как полисубъект благодаря не только его моральной ориентированности на другого, но и интерактивному присутствию в правовой ситуации. Бытие субъекта права сегодня предельно усложнено плюрализмом ценностей, вариативностью юридических смыслов и требованием автономной активности в горизонте его онтологической свободы. От индивидуального выбора полноценного субъекта права сегодня зависит буквально все: начиная его мировоззрением и заканчивая полом.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы правовой онтологии, касающиеся способов, форм и модусов бытия права, весьма популярны сегодня среди философов и теоретиков права. Их беспокойство в основном связано с «нехваткой реальности» в современном мире тотальной симуляции.

Так, российский юрист В. Сорокин пишет о губительном эффекте «утраты реальности права» в постмодернистской юриспруденции [1]. Лишенное своего Духа, «распредмеченное право», по его мнению, предстает как бессистемное и виртуализированное, имеющее своей сущностной характеристикой лишь симулирование правовой регуляции.

С. Жижек, в свою очередь, расценивает «страсть к Реальному» как главный пафос нашего времени [2; 3]. Эта страсть обусловлена дефицитом Реального во всех сферах динамичного бытия пост-человека. Настигнуть Реальное сегодня удастся именно в абсолютных и совершенных формах видимого, в симулятивных образах, визуально превосходящих в своей иллюзорной естественности (телесности) исконные вещи – свои же прообразы. Реальность таких тел, будучи виртуальной, переживается как истинная. При этом подлинность уже и вовсе не важна. Она обесценена, проскользнула новая Реальность больше впечатляет, влияет и увлекает. Симулятивная среда не требует откровений от своих посетителей, храня их автономию и неприкосновенность. Пускай бытие в такой видимой Реальности является лишь присутствием (поверхностным и анонимным), зато оно гарантирует комфорт и удовольствие.

Ж. Бодрийяр почти сорок лет назад написал целый опус о «гиперреальном» – о симулякрах различного порядка как «моделях без первопричин» [4]. На его взгляд, современный мир, являющий собой сообщество потребителей, регулируемое рыночной экономикой, постоянно порождает «нехватку перво-реальности», в то же время успешно справляясь с ней путем идеологического, политического, продовольственного и прочего «колдовства».

Так, фигура циничного потребителя и конструктивного пользователя в «пространстве удовольствий» [5], описанная многими философами, уверенно сформировала образ современного субъекта полиреальности как Человека присутствующего. Присутствие постепенно утвердилось в значении основного модуса бытия. Его природа и уникальная значимость для личного человеческого опыта восприятия досконально изучены Х. Гумбрехтом [6]. Расширенные границы возможностей и чувственности, гарантированные «присутствием» субъекта, в сравнении с его «наличием», описывает В. Рыбаков, исследуя «перформативный поворот в культуре» [7].

Развернутая характеристика Человека присутствующего имеет место у П. Вайбеля, обосновывающего признаки утвердившейся в культуре «парадигмы пользователя» [8]. В рамках этой парадигмы популяризируются практики со-участия, акции-спектакли, кинетическое искусство, интерактивное медиаискусство и различного рода искусство действия. Вопросы антропологии постмодерного субъекта в виртуальном пространстве ставятся и находят свое решение в работах отечественного философа Л. Усановой [9]. Проблема свободы личности в «эпоху спектакля» и ее решение при помощи стратегии

имиджа и стратегии тотального развоплощения представлены в работах российского философа С. Корнева [10].

Таким образом, онтология присутствия в ситуации дефицита Реальности достаточно изучена современными философами, чем обуславливает актуальность распространения имиджа Человека присутствующего на субъекта права.

Формулировка целей. Целью данного исследования является развернутый анализ способа бытия современного субъекта во множестве параллельных, согласующихся между собой реальностей, рассмотрение его возможностей и перспектив развития. Особое внимание уделяется построению антропологического образа пост-человека в статусе субъекта права, обоснованию актуальности и эффективности его способностей в современном пространстве симуляции.

Изложение основного материала. Кризис права, убежденно констатируемый сегодня в научных кругах, обозначился, в том числе в области онтологии и антропологии права. Это касается проблемы реальности права, определения его статуса, установления его смыслов, определения способов и форм бытия в нем человека. Философская характеристика права не дает однозначного ответа на вопрос: социальное бытие права есть наличие или присутствие, действительность или телесность? В симулятивном пространстве современной культуры в целом мы сталкиваемся с нехваткой реальности. Не обошла эта проблема и бытие субъекта права.

Именно метаморфозами бытия и модальности права обусловлены сегодня поиски радикально нового в философско-правовой методологии. Поверхностные смыслы и изменчивая значимость права сегодня позволяют говорить скорее о его формальном присутствии, нежели реальном воплощении. Реальность права проявляет себя в основном в эффективности воздействия, влияния, присутствия, то есть интерактивности.

Влияние и действенность – вот наиболее актуальные критерии бытия права, как и любой иной сущности в условиях виртуализации. Динамичная природа современного права возбуждает дискурс о его телесности. Концепция телесности права в целом сводится к своего рода отчуждению права от собственной объективной сущности за счет тиражирования своих символических копий. Формируется другой образ телоса права (отличный от аристотелевского значения понятия «телос») как потока, принципиально неустойчивого и не фиксируемого. Вследствие динамичной телесности права приумножаются его реальности, а также способы бытия в них субъекта.

При этом новые нюансы обретает содержание понятия «действенность права». В этой многослойной реальности действенность права во многом зависит от метода его прочтения, понимания, способа выражения, а также на-

бора знаков и символов его демонстрации. Динамичный контекст различного рода нарративных и вещественных атрибутов права формирует пространство легальной симуляции, то есть правовое пространство свободы. Другими словами, право реально в той степени, в какой способно воздействовать на современную действительность, проявляя свое присутствие. Онтологические инновации в правовой реальности в значительной степени отражаются на возможностях субъекта в практике понимания и применения права.

Современная тенденция тиражирования символических копий культурных оригиналов, а также простота и легкость их воспроизведения, гарантированная развитым информационным сервисом, придают человеку потенциальность имманентного присутствия и тотальную отчужденность одновременно. Отчужденность имеет самые разнообразные проявления: от телесного разрушения до социально-правовой полиидентичности. Иерархичная целостность субъекта в XXI веке рассыпалась на множество социальных ролей и онтологических идентичностей в банальном игровом поле реальности. Внутренне фрагментарный, расколотый субъект способен лишь симулировать собственное единство. Если исходить из классических моральных критериев, такой субъект не является личностью. Сознание пост-человека суть лишь набор социальных штампов; он лишен глубины, корней, исторической оправданности.

С. Корнев, анализируя «нового человека эпохи спектакля», отмечает, что в проблему превратилась даже его собственная идентичность. Личность представляет собой множество «маленьких Я», находящихся друг с другом в сложных, противоречивых отношениях. Все они не в состоянии образовать самость, они принципиально неполноценны и фрагментарны, подсказаны индивиду извне, заимствованы им из окружающего мира [10]. Сам субъект образует пространство, где социальные структуры взаимопроникают друг в друга. Формальное единство индивида, накладываясь на его внутреннюю фрагментарность, связывает разнородные структуры между собой. Его поступки, мысли, слова, даже его внутренние переживания – это просто внедренные в его сознание социальные штампы. Из этого С. Корнев делает вывод, что малейшее пространство свободы в этом социальном мире отсутствует [10]. Однако произвольный выбор субъектом ценностных приоритетов, а также деконструирование им картины мира и установление новых связей между разнородными структурами тоже представляет собой свободу. Пусть это не свобода самопроявления сущности, но свобода пользователя, потребителя, менеджера.

По мнению С. Корнева, как уникальный и свободный субъект может существовать исключительно в точке разрыва структур, как определенный дефект, изъян, разрыв, парадокс, возникающий при их контакте. Внутри этого

дефекта, или просвета, в ткани социальных структур есть определенное пространство свободы – пространство неопределенности, непредсказуемости, где диктат структур перестает работать, и субъекту приходится творить свою роль из пустоты, из себя самого. Таким образом, моменты свободы – это ситуации, когда индивид имеет шанс совершить уникальный, никем не предусмотренный творческий акт в просвете ткани социального дискурса. Для индивида этот просвет-изъясн превращается в средство управлять социальными дискурсами и структурами, соединять и разъединять их определенным образом, используя логику дискурсивного просвета. Индивид овладел этой логикой, и она позволяет ему уникальным образом модифицировать заданный набор языков и ролей, сталкивая и скрещивая их друг с другом. Овладевший просветом индивид способен проделать трещины и отверстия в любой системе социальных и культурных перегородок. Как хакер в сети, как мышь в мегаполисе. Это стратегия личного свершения. С. Корнев называет это «стратегией перпендикулярного существования», которая позволяет жить в социуме, но быть свободным от него [10].

Остается лишь размышлять над тем, как именно индивид может обнаружить этот самый «изъясн» или «просвет структур», который является условием его свободы. Возможно, изъясн рождается вследствие грубого противоречия языков, контекстов, ролей, масок и мифов, характерных для индивида данной культурной среды (например, «буквы закона» и традиций общины). Или же изъясн проявляется в результате трагического конфликта между мифом и объективной действительностью, идеальным содержанием абстрактной нормы и конкретным ее применением (например, в результате переживания социальной незащищенности, безработицы, политического кризиса или юридической коллизии).

Подобная свобода до боли напоминает столетнюю свободу экзистенции, так трепетно и трогательно вставшую на защиту человеческой жизни и ее уникальности в тяжелые времена мировых войн и тотального кризиса минувшего века. Экзистенция была условием и одновременно самой целью существования. Она достигалась в муках самоопределения, над пропастью небытия, в экзистенциальном страхе предельного испытания личности.

И вот, по прошествии века, исходя уже из совершенно иной природы реальности, человек вновь стремится отыскать свои подлинность, самость, целостность, свободу и снова остается в своей трагедии один на один со структурой. Однако на этот раз он больше не обольщается демифологизацией бытия. Он прибегает к деконструкции сети многочисленных мифов и параллельных реальностей. И стоя в расщелине бытия реального и виртуального, человек снова осмысливает свое спасение и освобождение как шаг в пропасть небытия, в дискурсивный просвет-изъясн для овладения новой логикой

деконструкции полионтичной реальности. Если экзистировал человек на границе бытия и небытия, то теперь поиск своей давно утраченной подлинности пост-человек осуществляет на очевидных рубежах своих многочисленных симуляций. Однако отстраненность в небытие по-прежнему остается необходимым условием обретения своей структурной целостности, реализации своей свободы.

Человеческая свобода теперь все чаще выступает в значении «освобожденность»: от статуса, обязательств, от культурной, социальной, политической, национальной, топологической, половой принадлежности. Автономный индивид избегает всяческой принадлежности и идентификации, стремясь в пространство удовольствий. В этой связи С. Жижек говорит о «постмодернистском разочарованном мире вседозволенности», где личности практикуются в «использовании удовольствий» [5]. Это следует понимать как пересыщенность потребительского общества, склонного к саморазрушению.

Сегодняшнее право, провозглашенное гуманной, освобождающей самоценностью, гарантирующей самосовершенствование личности, в действительности самым банальным образом легализует бесцельную деструкцию человека. Сферой максимальной свободы в наше время, не без оснований, признано киберпространство. С. Жижек, однако, отмечает парадоксальную связь киберпространственного разума с судьбой тела. Даже ярые защитники киберпространства предупреждают, что человек обязан не забывать о своем теле, должен быть укоренен в реальную жизнь, регулярно возвращаясь после погружения в киберпространство к интенсивному переживанию собственной телесности – от секса до бега трусцой [5]. «Реальная жизнь» нашего тела и его смертность – это основной горизонт нашего существования, служащий одновременно основанием для погружения во множество возможных виртуальных миров [5].

Именно стремлением взять последний бастион природной обусловленности объясняется характер четвертого поколения прав человека, обосновывающих свободу физиологического самоопределения индивида: его право на выбор пола, внешности, сексуальной ориентации, способа оплодотворения, на имплантацию живого или искусственного органа, использование стволовых клеток, эвтаназию и тому подобное. Представляется, что как раз расширение виртуальных форм бытия человека обуславливает активный поиск им новых способов «обретения тела» в отчаянных попытках восстановить утраченную реальность. Так, понятие «телесность» замещает понятие «сущность». Телесности оказывается достаточно для комфортного бытия и получения удовольствий. Симуляция признается принципом. Иллюзорным становится не только виртуальное присутствие, но и физическое существование, подвергшееся генной модификации, имплантации, пластической хирургии, трансгендерным изменениям или клонированию.

Озабоченность С. Жижека онтологическими поисками современного человека прослеживается также в его работе «Добро пожаловать в пустыню Реального II». Он приводит феномен «каттеров», которые испытывают непреодолимое желание резать себя бритвами или наносить себе другие телесные повреждения. Проблема каттеров в утверждении самой реальности. Это никак не связано с суицидальными желаниями. Это радикальная попытка найти твердую опору, укорениться в действительности, отчаянная стратегия возвращения к реальности тела, восприятия себя как существующего. Порез и кровь воспринимаются ими как возврат к жизни, ощущение себя заново ожившим. Это, несомненно, патологический феномен, однако, в то же время, попытка восстановить некоторую норму, избегая психотического распада (безвозвратной утраты тела) [2].

Подобно этому, на современном рынке мы находим множество продуктов, лишенных своих злокачественных свойств: кофе без кофеина, сливки без жира, сигареты без никотина, безалкогольное пиво и т. п. Реальность, в которой мы существуем, просто генерализирует эту процедуру ангажирования продукта, лишено своей субстанции, как бы сопротивляясь твердому ядру реального, так же как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является. Это и есть преимущество виртуального, которое переживается как реальное, не будучи таковым: реальность – лучшее подобие самой себя [2]. С. Жижек делает вывод, что цивилизованный «потребительский рай», при всей своей гиперреальности, по сути своей ирреален, несубстанциален, лишен материальной инерции. Реальная социальная жизнь в нем как таковая приобретает черты инсценированной подделки. Происходит дематериализация самой «реальной жизни», превращение ее в призрачное шоу вслед за торжеством бездуховности [2].

Для такого ирреального, или виртуального мира потребителей, основанного на рекламе и тиражировании симулякров, удачным представляется термин «сфера» как мир гигантского воплощения фантазма. Сфера имеет виртуальный символический порядок, ассоциирующийся с матрицей или сетью, которая структурирует для нас реальность. Структурно преобразованная реальность-сфера не нарушает царствие принципа удовольствия, хотя все, в нем присутствующие, осознают, что переживание реальности фальшиво. Они принимают логику игры. Это напоминает поведение «людей-клаустрофобов» в фильме «Матрица», анализируемое С. Жижеком в его одноименной работе [3]. Такого рода пост-людей в большей степени пугала опасность их отторжения от сферы, нежели факт их отчуждения от подлинной первоначальной реальности – происхождения, духовности, династической традиции, родовой общности или автохтонности.

Своеобразную картинку фиктивного бытия и гонки за «натуральностью» дает Ж. Бодриар в работе «Симулякры и симуляция» [4, с. 23–24]. Согласно Ж. Бодриару сегодня всюду существует потребность переработки отходов для их повторного использования, в то время как фантазмы, воображаемое (историческое, сказочное, легендарное) детей и взрослых и есть отходы, первые значительные испражнения токсинов гиперреальной цивилизации. В этом порядке функционируют все институты по восстановлению «реального» (полового, психического, соматического), а фактически симулятивного. Люди больше не смотрят друг на друга – для этого существуют институты. Они больше не прикасаются друг к другу, однако существует контактотерапия. Они больше не прогуливаются, зато занимаются оздоровительным бегом. Повсюду восстанавливают потерянные способности, или утраченное тело, утраченную социализацию, либо потерянный вкус к еде. Снова изобретают недостаток, первичность, подлинность, чистоту, аскетизм, дикую природность, которая исчезла: естественные наслаждения, натуральную пищу, йогу [4, с. 24].

Вся эта суета происходит от естественного экзистенциального страха человека убедиться в своем ничтожестве и отсутствии сущности. Тот же С. Жижек приходит к выводу, что наиболее тягостным для человека есть вопрос «Кто я?» Кто мы есть, если близка перспектива открытия генома каждого человека? Возможно, мы – никто и ничто, код, который можно сжать до объема одного компакт-диска, простая иллюзия самосознания, реальность, состоящая из сложного взаимодействия сети нейрональных и других связей? [5].

Основываясь на данных нейрофизиологов, С. Жижек утверждает, что целесообразно было бы поместить нашу свободу выбора (как способность) на бессознательный уровень: по-настоящему свободными являются решения, которые мы делаем неосознанно; мы никогда не решаем в настоящем времени, мы просто неожиданно для себя замечаем, что уже приняли решение. За пару миллисекунд до того, как человек делает свой «свободный выбор», сканеры мозга способны зафиксировать изменение в химических процессах мозга, что означает, что решение уже было принято [5]. С. Жижек узнает в этом кантовскую «интеллектуальную интуицию», способность к которой до недавних пор сохранялась исключительно за божественным разумом. Однако поистине сакральным представляется опыт всецелого присутствия субъекта в виртуальном пространстве посредством нейрофизиологической практики. Этого можно достичь при помощи неврологических имплантантов. Они позволили бы симулируемым сенсорным сигналам виртуального окружения, а также собственного виртуального тела субъекта напрямую достигать мозга в обход органов чувств. Так, обычный веб-сайт будет восприниматься как виртуальная среда, не требующая дополнительных аппаратных средств

(очки, перчатки, джойстики и т. п.). Пост-человек сможет «бродить» по этой среде, мысленно выбирая сайты и входя в них.

С. Жижек предполагает, что в тот момент, когда, наконец, человеческий мозг будет полностью сосканирован в более удобный и компактный электронный аппарат и сможет переноситься с одного материального носителя на другой, поскольку человеческое сознание построено по модели программы, можно будет говорить о возникновении «чистого разума» [5]. Такое положение дел радикально повлияло бы на онтологический статус субъекта, в то время как проблема идентичности вовсе утратила бы смысл, поскольку бытие как таковое представляло бы динамичную цепь идентификаций. С какой целью человечество вмешивается в онтологию реальности, настолько усложняя ее? Ради антропологического триумфа: человек, объективируясь виртуально, способен получить опыт любого рода, а также безграничные возможности, то есть стать всемогущим.

Следовательно, любые экзистенциальные, интеллектуальные и физические манипуляции человека над собой продиктованы его стремлением к расширению личной свободы. Любая достигнутая одним поколением степень свободы расценивается следующим поколением как минимальная и потому требующая расширения. Свобода распространилась на все природные и искусственные формы существования человека, раздвинув пределы его технических, символических, коммуникативных, духовных, психических и физических возможностей. Расширение всесторонних возможностей человека гарантировано его динамичным имманентным присутствием в сингулярных параллельных реальностях. Посредством рассеивания себя в этих реальностях, а также сущностному расколу своего Я, напоминающему каттерство, человек все острее ощущает собственную силу, влияние, самозаконность. Любые практики человека (от экономики до искусства) обретают сегодня характер интерактивных, становятся практиками соучастия, разновидностями пользовательской активности. В понятийный аппарат философской антропологии напрашивается новая метафора: современный человек как Человек присутствующий.

Чистое присутствие онтологически удобно пользователю, поскольку является признанным, актуальным, легальным, правомочным, нейтральным, анонимным, продуктивным, а главное, безответственным, хотя гарантирует свободу. Присутствие само по себе есть симуляция в глубокой иллюзии демократичности. Это состояние субъекта, которое нельзя назвать подложным, неискренним, фальшивым, поскольку подлинного, искреннего, настоящего не существует в принципе. Присутствие нельзя назвать неправдой, поскольку правды не существует. Есть только актуальность, целесообразность и эффективность пользования благами, свободами, правами и возможностями той или иной реальности как сферы индивидуального присутствия.

Преимущественно все современные антропологические и ценностные трансформации происходят, так или иначе, в пространстве права, в правовой реальности свобод и обязательств, возможностей и ограничений, правомочности и нормативности. Технологии виртуальной реальности (прежде всего компьютерные технологии), вызванные к жизни императивом рационализации общества, оказались эффективными инструментами симуляции права. Более того, императив симуляции привел к превращению логики виртуальной реальности в парадигмальную логику для всякого действия, включая правовое [1, с. 133].

Пост-человек существует посредством нескончаемого выбора. Выбор определяет его ценности, способ жизни, внешность, социальную роль, наконец, реальность, в которой он существует. Выбор становится способом самоопределения и самоутверждения, средством познания и интегрирования, реализации и адаптации. Однако выбор пост-человека не экзистенциальный, а виртуальный, не личностный, а симулятивный. Он не ведет к «личной ответственности за судьбы всего мира». Он лишь актуализирует присутствие пост-субъекта в динамичном пространстве интерактивной реальности, способствует получению удовлетворения. Здесь право выполняет функцию алгоритмизирующего начала, механизма, задающего логику понимания и приобщения к этой реальности.

Именно правовые, а не этические навыки помогают комфортному присутствию субъекта в пространстве перманентного выбора. Владая легальными эффективными приемами правовой структуризации экономических, информационных и функциональных отношений с другими интерактивными и компетентными субъектами, каждый «присутствующий» способен оптимально использовать возможности среды и свои собственные, бесконечно расширяя их путем соучастия в событиях других параллельных реальностей. Так, право, будучи инструментом каждого отдельного пост-человека, одновременно становится способом его бытия в мире, бытия, заслуженно названного «присутствием».

«Присутствие» в онтологическом смысле как будто говорит нам: «Ничего личного!», «Присутствие» – истинное бытие субъекта права: абстрактного, анонимного, альтернативного, универсального, равноправного в своей автономности. Субъекту морали, индивидуальному, уникальному, эмоциональному и равнодушному, нет больше места в пост-реальности. Нынешний мир – это пространство самореализации субъекта права как Человека присутствующего. Выбор, который он делает в своей правовой интерактивности, целесообразен и циничен, оправдан конструктивной коммуникацией и потребительским удовлетворением самого субъекта. Пост-субъект права игнорирует ту реальность, которая по каким-либо причинам его не устраивает.

Новые нормы возникают как следствие конкуренции виртуальных юридических образов, симулируемых правовыми институтами.

По мнению теоретика права В. Сорокина, современная ориентация юридической практики не на реальные общественные отношения, а на образы ведет к симуляции самих правовых институтов. Институты становятся образами реальности, замещающими саму реальность [1, с. 134]. В качестве таких эфемерных, «виртуальных» правовых институтов В. Сорокин приводит симулятивную деятельность парламента, не имеющего реальной политической воли улучшить действительность путем принятия нового закона (фиктивное нормотворчество); интернет-голосование при помощи web-страниц; наведение правопорядка и восстановление справедливости криминальными структурами, выполняющими роль правоохранительных; теневое регулирование общественных отношений; процедура выбора власти и т. п. [1, с. 129]. Другими словами, правопорядок выступает симулятивным результатом симулятивной деятельности правовых институтов. При помощи масс-медиа создается иллюзия успешно регулируемой правовой реальности. Принимая ее правила, условности и нормы, человек увлеченно присутствует в ней, используя все предоставленные ему возможности и символические блага. В этих случаях теоретики говорят о «дефиците реальности права» [1, с. 130]. Дефицит и симуляция права сопровождаются интенсивным перепроизводством законодательных актов, постоянным деконструированием и перезагрузкой системы законодательства.

Полностью отчужденное от своих природных и моральных оснований современное право, однако признается ориентированным на человека, апологизирующим человека как наивысшую ценность, гуманным. Может быть, что-то изменилось в самих гуманных основаниях права со времен природно-правовой традиции Просвещения? Изменился сам человек – антропологическое начало. Из духовно-нравственной личности, мотивированной абсолютными ценностями, он превратился в не менее достойного независимого субъекта, скользящего из образа в образ, из события в событие, из реальности в реальность. Право наделило его выдающейся способностью к симуляции и доступом к широким пользовательским возможностям. Право сравнимо с компьютерной операционной системой, позволяющей свободно симулировать и транслировать образы, сохраняя атрибутику реальности и будучи открытой для входа и выхода.

Правовая среда равнодушна к субъекту, невзирая на непризнание в нем духовности. Приоритетный, выдающийся статус типичного субъекта права основывается именно на признании его автономности, независимости, самостоятельности, личной правовой позиции и воли, свободного выбора алгоритма правового регулирования. Это напоминает технику «съемки с плеча»,

умышленно реанимированную и применяемую многими современными кинорежиссерами с целью сберечь эффект субъективности событий. Субъективность защищена современным правом. Она не деактуализирована вместе с субъектом морали. Она обрела новое содержание в качестве черты субъекта права.

Выводы. Человек постнеклассической культуры проявляет себя как полисубъект, соучаствующий во многих реальностях. При этом главным модусом его бытия в этих реальностях становится присутствие, лишаящее постчеловека многих способностей морального субъекта, однако наделяющее определенными преимуществами актуального субъекта, реализующегося в праве. Таким образом, правосубъектность можно считать главной особенностью Человека присутствующего, в то время как правовую реальность – основной реальностью его присутствия и самореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин В. В. Юридическая глобалистика. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. 916 с.
2. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального II: Размышления о Всемирном торговом центре – третья версия. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/zizek/reflections.html> (дата звернення 24.08.2016).
3. Жижек С. Матрица, или Две стороны извращения. «Матрица» как философия : эссе / пер. с англ. О. Трухиной. Екатеринбург : У-Фактория, 2005. С. 329–371.
4. Бодрияр Ж. Симулякри і симуляція / пер. з фр. В. Ховтун. Киев : Основи, 2004. 230 с.
5. Жижек С. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди! URL: http://www.ruthenia.ru/logos/korf/2002/2002_12.htm (дата звернення 13.12.2018).
6. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. Москва : Новое литературное обозрение, 2006. 184 с. URL: <http://history-library.com/index.php> (дата звернення 11.01.2018).
7. Рыбаков В. В. Перформанс как способ проблематизации присутствия. *Международный научно-исследовательский журнал: Философские науки*. Вып. 11 (53). Часть 1. 2016. С. 159–163. URL: <http://research-journal.org/philosophy/performans-kak-sposob-problematizacii-prisutstviya/> (дата звернення 16.08.2017).
8. Вайбель П. Медиаискусство: от симуляции к стимуляции / пер. с англ. К. Бандуровского. *Логос*. Том. 25. № 4. 2015. С. 135–158.
9. Усанова Л. А. Віртуальність як риса сучасності. *Філософські обрії*. 2011. № 25. С. 116–126.
10. Корнев С. Имидж в эпоху спектакля. URL: <http://www.inache.net/signs/30> (дата звернення 09.03.2015).

REFERENCES

1. Sorokin V. V. (2010). Juridicheskaja globalistika. Novosibirsk: Izd-vo NGTU [in Russian].
2. Zhizhek S. Dobro pozhalovat' v pustynju Real'nogo II: Razmyshlenija o Vsemirnomo trgovom centre – tret'ja versija. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/zizek/reflections.html> [in Russian].
3. Zhizhek S. (2005). Matrica, ili Dve storony izvrashhenija. «Matrica» kak filosofija: Jesse. Ekaterinburg: U-Faktoriya. 329–371 [in Russian].
4. Bodriyar Zh. (2004). Sy'mulyakry' i sy'mulyaciya. Ky'yiv: «Osnovy'» [in Ukrainian].
5. Zhizhek S. Obojdjomsja bez seksa, ved' my zhe post-ljudi! URL: http://www.ruthenia.ru/logos/korf/2002/2002_12.htm [in Russian].
6. Gumbrecht H. U. (2006). Proizvodstvo prisutstvija: Chego ne mozhet peredat' znachenie. URL: <http://history-library.com/index.php> [in Russian].
7. Rybakov V. V. (2016). Performans kak sposob problematizacii prisutstvija [Performance as a way of problematic presence]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal: Filosofskie nauki – International scientific and research journal: Philosophical sciences*, issue 11 (53), part 1, 159–163. URL: <http://research-journal.org/philosophy/performans-kak-sposob-problematizacii-prisutstvija/> [in Russian].
8. Vajbel' P. (2015). Mediaiskusstvo: ot simuljaciji k stimuljaciji [Media art: from simulation to stimulation]. *Logos. Vol. 25. # 4. 135–158* [in Russian].
9. Usanova L. (2011). Virtual'nist' yak ry'sa suchasnosti. *Filosofs'ki obriyi. # 25. 116–126* [in Ukrainian].
10. Kornev S. Imidzh v jepohu spektaklja. URL: <http://www.inache.net/signs/30> [in Russian].

Мелякова Юлія Василівна, кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії Національного юридичного університету
імені Ярослава Мудрого, м. Харків, Україна

ПРОБЛЕМА ДЕФІЦИТУ РЕАЛЬНОСТІ: СУБ'ЄКТ ПРАВА ЯК ЛЮДИНА ПРИСУТНЯ

Антропологічний аналіз суб'єкта права у юридичному просторі постмодерну дає підстави для ідентифікації його як Людини присутньої. Він є суб'єктом тотальної рівності, суб'єктом свободи і суб'єктом абсолютних можливостей. Модус його буття у світі – прагматична, автономна, незалежна й формальна присутність. Саме право стає єдиною реальністю його самореалізації, структуризації та способом буття.

Ключові слова: симулятивна реальність, нестача реальності, споживач, користувач, суб'єкт права, чиста присутність, Людина присутня.

Melyakova Julia Vasylivna, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department,
Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine

THE PROBLEM OF DEFICIT OF REALITY: A SUBJECT OF LAW AS THE PERSON WHO IS PRESENT

Problem setting. *Being of the subject of law in colorable reality today is very difficult. Virtual and dynamical images, values and social institutes require from the subject of activity, creativeness, anonymity and multi-purpose capability. The subject who entirely acquired by these skills and properties, as well as algorithms of legal choice, is adapted well in modern world. It is characterized as the subject of total equality, the subject of freedom, he is the real subject of law. The way of his being in the world is presence – an autonomous, independent, pragmatic and free presence.*

Recent research and publications analysis. *The questions of ontology of law are very popular in modern philosophy. Law theorists discover new forms and modes of being right. They explore qualitatively different ways of being a subject in law. The actual ontological problem today is the “lack of Reality” in the meaning of “primary reality”, authenticity, naturalness. The postmodern world is a new Reality, which is called the illusory, virtual and simulative. About this in their works write S. Zizek, J. Bodriar, H. Gumbrecht. At the same time, V. Sorokin states the fact of precisely the loss of the reality of law in postmodern jurisprudence. In his opinion, this negatively affects the law, turns legal regulation into a simulation.*

A number of philosophers pay attention to anthropological problems in the context of a new simulative reality. Thus, S. Zizek and J. Bodriar view the human culture of postmodernism as an elementary consumer and user, led by selfishness, self-interest, and a thirst for pleasure. L. Usanova, S. Kornev, P. Waibel and other domestic and foreign authors also speak about the virtual way of being of a person. S. Kornev asks the question of individual freedom in the “epoch of performance”. P. Waibel is engaged in substantiating the “user paradigm” in modern cognition and creativity. In turn, H. Humbrecht and, following him V. Rybakov consider the mode of presence as the main one for a person simulating in artificial reality. These studies provide rich material from the field of postmodern anthropology, allowing to build a new concept of the subject of law as a Person who is present.

Paper objective. *The purpose of this study is to compile an anthropological image of a post-human in the status of a subject of law.*

Paper main body. *Superficial meanings and the changeable significance of law today allow us to speak only about its formal presence, but not the real incarnation. Presence is also the main way of being a legal entity. Man’s pure presence in many parallel realities relieves him of moral obligations, spirituality and personal responsibility. He is guided by the simple logic of the consumer and fully realizes his freedom of choice. The choice leads to the identification by the subject of himself in a particular social role for a certain period*

of time. The alternative and dynamic change of roles provide the subject with a productive simulation, successful self-realization and comfort of existence.

Thus, it is the subject of law, which, by definition, is deprived of individuality, exclusivity and spirituality is best adapted to modern reality. The subject of law – formal and abstract – is a typical subject-consumer and subject-user of the virtual world. It is the modern subject of law that best personifies the type of Person who is present in postmodern culture.

The definition of self and human choice is becoming more and more radical and unexpected. Freedom of the individual stands in the sense of “liberation” from all stereotypes, traditions, statuses, obligations, moral duty, of various belonging – cultural, social, ethnic, sexual, political, ideological or topological belonging. Today, a person independently determines the value and meaning of things, carries out a subjective legal regulation of events. Knowledge of the legal regulation algorithm makes the subject a full-fledged and relevant in the space of total presence and simulation.

Conclusions of the research. *A pure presence is ontologically convenient for the user, because it is relevant, legal, legitimate, neutral, anonymous, productive, and most importantly, irresponsible although it guarantees freedom. The Person who is present is able to make the most of the possibilities of the environment and their own. It is legal, not ethical abilities that help the comfortable presence of the subject in the space of permanent choice.*

Short Abstract for an article

An anthropological analysis of the subject of law in the legal space of postmodernism provides a basis for identifying him as a person who is present. He is the subject of total equality, the subject of freedom and the subject of absolute possibilities. The mode of his being in the world is a pragmatic, autonomous, independent and formal presence. The law is the only reality of him self-realization, structuring and way of being.

Keywords: *simulative reality, lack of reality, consumer, user, subject of law. pure presence, the Person who is present.*

